

сосанное фиском и архонтами, едва ли оказало сопротивление франкским завоевателям; оно даже скорее взирало на них как на освободителей от ига сборщиков податей, дворянства и церкви. По существу дела населению было совершенно безразлично, какому господину ни служить, — оно ведь только всего и меняло, что повелителя. Франкским государям и новым землевладельцам население продолжало выплачивать те же подати и выполнять те же повинности, какие прежде от него полагались в пользу императорского правительства и архонтов¹. Оно даже при перевороте, пожалуй, оказывалось в выигрыше, так как подати с него поступали не в казну отдаленной Византии, но расходовались государем в самой стране. Перियोки же попросту превратились в вилланов (*villani* и *rustici*) франкских владельцев; они сделались рабьим живым инвентарем государственных домен, ленных вассалов и латинской церкви.

Безжалостное положение феодального права *nulle terre sans seigneur* постепенно находило себе осуществление в завоеванной стране, и таким образом здесь, как ранее в Сирии, а позднее в Кипре, исчезли последние следы землевладения вольных хлебопашцев.

Та же судьба порабощения постигла повсеместно греческие городские общины — тем, впрочем, снисходительнее, чем значительнее они являлись в данной местности, ибо сама мудрость повелевала завоевателям не возлагать на городские общины невыносимых тягот, но уважать собственность и исконный их строй. Когда император Балдуин принимал во владение предоставленные ему страны, он сохранил в неприкосновенности действовавшие в них законы, а большие города вроде Фессалоник предались франкам под нарочитым условием, что их стародавние вольности и обычаи будут за ними сохранены и впредь. Шамплитт и Вильгардуен подкупили Морею подобным же преклонением, проявленным к туземным законам и правам владения собственностью²

¹ Греческая хроника Морей, изд. Бюшона. Сказанное о Морее приложимо и к Элладе.

² Это неоднократно подчеркивается в Морейской хронике.